

## Н О В Ы Й   з а к о н ъ .

Умирая, Людовикъ XI мечталъ собрать воедино всѣ обычаи Франціи. Какъ извѣстно, эта мысль осуществилась лишь въ царствованіе Генриха III. Впрочемъ, и здѣсь еще не имѣла мѣста настоящая кодификація. Русскимъ законодателямъ 1550—1551 года пришлось переработать уже существующій кодексъ. То былъ Судебникъ 1497 г., который, въ чересмѣрномъ стремленіи къ государственному единообразію, пытался было установить общій для всѣхъ порядокъ судо-

устройства и судопроизводства. Такимъ образомъ, на сторонѣ русскихъ законодателей было, какъ будто, первенство въ сравненіи съ западными кодификаторами. Однако, такое преимущество было скорѣе кажущимся, нежели дѣйствительнымъ. Въ сущности, законодательство 1497 года почти не измѣнило юридическихъ понятій и нормъ Русской Правды XI-го вѣка: только въ отдѣльных случаяхъ оно попыталось нѣсколько приспособить ихъ къ условіямъ новаго времени. Въ этомъ смыслѣ, Судебникъ 1497 года являлся лишь копіей съ древнѣйшаго памятника русскаго законодательства. Онъ отступалъ отъ Русской Правды, исключительно, въ области судопроизводства и судоустройства. Вообще, въ своей кодификаторской работѣ, Иванъ III, главнымъ образомъ, руководился соображеніями политической централизаціи. Что касается Ивана IV, то въ его законодательной дѣятельности сказались два направленія, которыя какъ будто противорѣчатъ другъ другу. Въ извѣстномъ смыслѣ, Судебникъ 1550 г. представляетъ собою шагъ назадъ: въ соотвѣтствіи съ требованіями областного самоуправленія онъ опять передаетъ судебныя функціи старымъ мѣстнымъ организаціямъ. И, рядомъ съ этимъ, съ чисто юридической точки зрѣнія, тотъ же Судебникъ знаменуетъ собою хотя и робкое, но несомнѣнное движеніе впередъ.

Такимъ образомъ, Судебникъ Ивана IV можно разсматривать съ двухъ противоположныхъ сторонъ. Та сторона, которую мы отмѣтили прежде всего, является и наиболѣе важной. Вся задача тогдашней администраціи сводилась, можно сказать, къ отправленію судебныхъ обязанностей. Поэтому, въ сущности, новый кодексъ 1550 года возвѣщалъ собою коренную реформу всего правительственного порядка. Правда, положительныя предначертанія Судебника были очень смутны и недостаточно вразумительны. Но отъ литературныхъ памятниковъ той эпохи, вообще, не приходится ждать большей опредѣленности. Иногда они оказываются весьма пространными по размѣру. Но, все же, говорить они крайне мало; то, что ими сказано,—обыкновенно, бываетъ выражено довольно неудачно; за словами текста, по большей части, чувствуется нѣчто недоговоренное,—положительный планъ бываетъ намѣченъ въ самыхъ общихъ, порою неуловимыхъ чертахъ... Но, во всякомъ случаѣ, въ Судебникѣ 1550 г. заключается извѣстный планъ реформы. Въ этомъ, намъ думается, главный смыслъ этого кодекса и, вмѣстѣ, цѣль того собора, который долженъ былъ утвердить эти предначертанія правительства.

Не слѣдуетъ думать, что реформа, о которой мы говоримъ, явилась произвольнымъ измышленіемъ самого Ивана или его совѣтниковъ. Мы уже упоминали выше, что программа Ивана III была проникнута духомъ централизаціи. И, однако, законодатель 1497 года уже допускаетъ само населеніе къ участию въ судѣ. Это участіе осуществлялось при посредствѣ выборныхъ представителей населенія, т.-е. сотскихъ, старостъ, добрыхъ людей. Очевидно, подобная уступка со стороны правительства была вызвана живучестью нѣкоторыхъ мѣстныхъ традицій. Впрочемъ, участіе этихъ выборныхъ лицъ ограничивалось простымъ контролемъ судопроизводства и оставалось чисто-факультативнымъ. Правительство рассматривало его, какъ нѣкоторый пережитокъ старыхъ, уже упраздненныхъ учреждений; поэтому оно и ограничивало какъ рамки ихъ дѣятельности, такъ и самую область ихъ примѣненія. Старосты, сотскіе и добрые люди имѣлись далеко не вездѣ, а государство нисколько не было озабочено тѣмъ, чтобы распространить эти учрежденія повсемѣстно. Судебникъ 1550 г. возвѣщалъ о намѣреніи правительства ввести выборное начало повсюду и одновременно сообщить ему обязательную силу. Выборные люди и «цѣловальники» должны были явиться во всѣхъ мѣстныхъ округахъ. Но этого мало. Мы знаемъ, что въ малолѣтство Ивана шаткая политика центрального правительства создавала величайшіе беспорядки на мѣстахъ. Должностные лица государства нерѣдко пренебрегали своими обязанностями; тогда, силою вещей, рядомъ съ ними, создались новыя судебныя власти въ средѣ самого населенія. Нужно же было кому-нибудь задерживать, судить и наказывать всевозможныхъ разбойниковъ и хищниковъ, которыми кишѣла страна! Въ различныхъ мѣстахъ городскія и сельскія общины ходатайствовали передъ правительствомъ о предоставленіи имъ права—при помощи выборныхъ уполномоченныхъ выполнять эти судебно-административныя функціи. Такое право даровалось, обычно, особыми грамотами. Что касается этихъ выборныхъ должностныхъ лицъ, то они, вообще, стали именоваться губными старостами. Въ нѣкоторыхъ областяхъ государства губою назывались мѣстные округа. Такъ, напримѣръ, дѣлились на губы псковскія и новоторжскія земли. Однако, первоначально, эти округа не имѣли ничего общаго съ организаціей уголовного суда. Судебникъ 1550 года долженъ былъ дать формальную санкцію уже существующему факту. Однимъ почеркомъ пера законодатель возложилъ всю уголовную юрисдикцію на обязанность мѣстныхъ общинъ. Но это

было только первымъ шагомъ реформы. Наступали войны, которыя требовали всеобщей мобилизаціи служилыхъ людей. Такимъ образомъ, за отсутствіемъ этихъ должностныхъ лицъ, удерживаемыхъ подъ знаменами государства, наиболѣе удобнымъ казалось переложить всѣ ихъ обязанности на тѣхъ же самыхъ выборныхъ изъ среды населенія. Съ 1555 года, цѣлымъ рядомъ грамотъ правительство преобразовало и свою финансовую систему. Теперь какъ распредѣленіе, такъ и сборъ налоговъ передавались уже въ руки мѣстныхъ общинъ.

Въ сущности, это было не болѣе не менѣе, какъ частичное осуществленіе программы Ивана Пересвѣтова. Въ самомъ дѣлѣ, правительство, очевидно, стремилось упразднить систему кормленія. Этого оно достигало, уничтожая, по возможности, самихъ кормленщиковъ. Послѣ 1552 года Иванъ, какъ будто, и не хотѣлъ скрывать, что намѣренъ реформировать администрацію именно на этихъ началахъ. Разумѣется, при такихъ условіяхъ служилые люди должны были утратить едва ли не самую существенную основу своихъ правъ на землю. Свое званіе они еще могли сохранить, такъ какъ, попрежнему, составляли ратную силу государства. Весьма замѣчательно, что служилые люди и не протестовали противъ такой реформы; по крайней мѣрѣ, съ ихъ стороны мы не слышимъ никакой жалобы. Повидимому, они охотно готовы были отказаться отъ своихъ привилегій на землю; они мирились съ любой, даже весьма скромной денежной компенсаціей. Надо думать, что въ ихъ глазахъ она была болѣе надежна, нежели невѣрный доходъ съ помѣстій, близкихъ къ разоренію.

Казалось, реформа, задуманная Иваномъ IV, должна была дать общинамъ полное самоуправленіе; можно было думать, что, одновременно съ этимъ, она произведетъ коренную перемѣну въ хозяйственномъ, социальномъ, и политическомъ строѣ государства... Но преобразовательная работа правительства, вдругъ, остановилась. Какъ и слѣдовало ожидать, люди оказались ниже идеала. Во многихъ мѣстахъ населеніе обнаружило совершенную неподготовленность къ выполненію возложенныхъ на него обязанностей; такимъ образомъ, оно не могло воспользоваться благами самоуправления, которыя оказывались ему не по силамъ. Далѣе, съ правомъ собственнаго суда для общины была связана тяжелая отвѣтственность. Нѣкоторыя области были слишкомъ рѣдко заселены; такимъ образомъ, самая организація общинъ встрѣчалась съ непреодолимыми препятствіями. Порою мѣстные элементы оказывались вполне подготовленными къ какой угодно

формѣ общенія; однако, ихъ разбросанность по территоріи дѣйствовала въ совершенно обратномъ направленіи. Мы сказали выше, что кое-гдѣ населеніе не умѣло пользоваться самоуправленіемъ, а кое-гдѣ и болѣлось его отвѣтственности: въ довершеніе всего само государство предоставляло это благо не даромъ. Оно разсматривало его, какъ привилегію; а всякая привилегія естественно должна была оплачиваться. Поэтому правительство открыло торговлю грамотами, даровавшими мѣстное самоуправленіе; другими словами, общинамъ приходилось выкупать право юрисдикціи, котораго лишились прежнія должностныя лица. Многія изъ общинъ не рѣшались на такую денежную жертву: многія, даже готовыя понести ее, оказывались недостаточно богатыми. Въ этомъ отношеніи государство раздѣлилось на двѣ области: границей между ними служило верхнее и нижнее теченіе Оки. На сѣверѣ населеніе сидѣло гуще и было болѣе развито въ промышленномъ отношеніи: здѣсь реформа нашла благопріятную почву. Напротивъ, на югѣ самоуправленіе распространялось менѣе успѣшно: это зависѣло отъ недостатка матеріальныхъ средствъ и низкаго культурнаго уровня тамошняго населенія. Конечно, стремясь повсемѣстно провести свою реформу, правительство могло бы осуществлять ее постепенно; слѣдуя за ростомъ производительныхъ силъ и культуры, самоуправленіе могло бы прививаться тамъ, гдѣ общинная жизнь крѣпла и расширялась. Однако, это развитіе общинъ скоро пріостановилось: его начало душить крѣпостное право. Одновременно съ этимъ укоренялся бюрократическій режимъ; это чувствовалось и въ центрѣ государства, и въ тѣхъ областяхъ, которыхъ не коснулась реформа. Благодаря этому, правительство налагало руку на новыя учрежденія и, разумѣется, не поддерживала ихъ, а только искажало. Такимъ образомъ, уже съ конца XVI вѣка даже тамъ, гдѣ сохранялись губныя старосты, они превратились въ простыхъ чиновниковъ государства. Само правительство ихъ назначало, почему они и зависѣли всецѣло отъ Москвы.

Неудачная попытка Ивана IV, которую я только что обрисовалъ, довольно близко напоминаетъ реформу, проведенную въ XII—XIII столѣтіяхъ французскими королями Филиппомъ-Августомъ и Людовикомъ IX. Какъ извѣстно, эта реформа создала во Франціи городскія общины. Еще большая близость обнаруживается между преобразованіями Грознаго и правительственными мѣропріятіями въ Франціи X—XI вѣка. Въ эту пору тамъ началось образованіе

сельскихъ общинъ; оно ознаменовано было цѣлымъ рядомъ особыхъ грамотъ, жалуемыхъ крестьянамъ, которые принадлежали какому-нибудь одному сеньору. Однако, между обоими явленіями существуетъ коренное различіе. Оно зависитъ отъ противоположности направленій, которымъ слѣдовалъ процессъ созданія общинъ въ Россіи и во Франціи. На Западѣ цѣлью движенія было освобожденіе крестьянства и буржуазіи; въ Россіи, напротивъ, этой цѣлью было закрѣпленіе соответствующихъ классовъ. Русскіе крестьяне были уже болѣе или менѣе, рабами, когда Иванъ IV хотѣлъ воспользоваться ихъ стремленіемъ къ независимости для своей государственной реформы. Совершенно естественно, что идеалы царя-преобразователя остались вполнѣ чужды этой массѣ крестьянства. Словомъ, между крѣпостнымъ правомъ и самоуправленіемъ нельзя было найти никакой общей почвы.

Можно сказать, что Иванъ IV слѣдовалъ также примѣру Эдуарда I, короля англійскаго, который возложилъ на *джентри* полицейскія и судебныя функціи. Но въ Англіи и въ теоріи, и на практикѣ, повинность всегда неразрывно связана была съ привилегіей. Въ Россіи, напротивъ, между тѣмъ и другимъ жизнь воздвигла непроницаемую стѣну. Оказывалось, что между крестьянами нѣтъ кандидатовъ на должности по «самоуправленію». Само правительство не слишкомъ старалось отыскать такихъ кандидатовъ. Такъ эта выборная должность и сдѣлалась привилегіей «служилыхъ людей». Другими словами, выбирая своихъ должностныхъ лицъ, община могла обращаться только къ кандидатамъ служилаго сословія. Что же оставалось на долю крестьянства? Никакихъ правъ; однѣ лишь обязанности. Впрочемъ, и сами «служилые люди» скоро почувствовали, что положеніе ихъ слишкомъ тяжело. Ему недоставало самаго существеннаго: оно было лишено необходимой независимости. Здѣсь передъ нами вскрывается самая характерная черта московской политики; мы видимъ передъ собою, если ни единственный, то, во всякомъ случаѣ, главный мотивъ преобразованій Ивана IV. Реформа Грознаго менѣе всего имѣла цѣлью государственную децентрализацію. Наоборотъ, можно говорить съ увѣренностью, что тенденція ея была совершенно противоположна.

Здѣсь мы можемъ совершенно ясно видѣть, насколько обманчивыми были внѣшніе приемы московской политики. Реформа Ивана IV имѣла одинъ, весьма прочный результатъ, къ которому сознательно

стремился законодатель. Она содѣйствовала разложенію тѣхъ, сравнительно, независимыхъ политическихъ единицъ, которыя еще существовали въ Московскомъ государствѣ. Несомнѣнно, подобно своимъ предшественникамъ, Иванъ ставилъ своей задачей политическую централизацію. Но такая программа встрѣчала препятствіе въ личности родовыхъ вотчинъ, обладатели которыхъ сохраняли нѣкоторыя владѣтельные права на своихъ земляхъ. Молодой царь стремился уничтожить эти остатки прошлаго. Этому онъ надѣялся достигнуть, противопоставляя родовымъ вотчинникамъ новую правительственную систему. Эту систему онъ создалъ изъ смѣшенія всевозможныхъ элементовъ; ея дѣйствія онъ направлялъ самъ властною рукою хозяина. На Западѣ государственная централизація находила себѣ опору въ процессѣ освобожденія зависимыхъ классовъ; этотъ процессъ разрушалъ старыя феодальныя формы и уничтожалъ мѣстный партикуляризмъ. Въ Московскомъ государствѣ, какъ мы видѣли, строгихъ классовыхъ дѣленій не существовало; городъ, монастырь, деревня какого-нибудь землевладѣльца, уѣздъ, населенный свободными крестьянами,—представляли собою рядъ обособленныхъ и замкнутыхъ мірковъ. Теперь государственная власть дѣлала попытку искусственно создать элементы, необходимыя для цѣлей политической централизаціи. Для этого она и образовала мѣстныя общины, между которыми распредѣляла извѣстныя повинности. Но указы никогда не могутъ создать подлинную жизнь. Теоретически надуманная реформа оказалась мертворожденнымъ дѣтищемъ. Впрочемъ, сѣпшимъ оговориться—въ извѣстномъ отношеніи она оказала свое дѣйствіе. Какое же? Она уничтожала слѣды прошлаго и готовила торжество новаго порядка, несущаго въ себѣ всеобщее порабощеніе.

Судебникъ 1550 года съ величайшей осторожностью затрогивалъ острый вопросъ о правѣ на землю. Во всякомъ случаѣ, законодатель становился въ оппозицію по отношенію къ передовымъ теченіямъ современности. Напротивъ, консервативные элементы общества могли быть вполне удовлетворены его мѣропріятіями. Судебникъ собиравъ силу закона тому обычаю, который закрѣплялъ право собственности на землю и придавалъ ему извѣстную неподвижность. Онъ призналъ право выкупа наслѣдственныхъ земель. Другими словами, продавецъ этихъ земель, а, за его отсутствіемъ, родственники его могли, когда угодно, вернуть себѣ отчужденную недвижимость. Для этого имъ нужно было только выплатить новому владѣльцу ту

сумму, за которую земля была продана. Правда, что дѣйствіе этого закона должно было сохранить свою силу лишь на 40 лѣтъ впередъ; съ другой стороны, воспользоваться правомъ выкупа могли лишь *божовые родственники*—не дальше. Все же, законодатель выступалъ противъ свободнаго обмѣна и хозяйственнаго прогресса. Своей мѣрой онъ закрѣплялъ одинъ изъ самыхъ ненавистныхъ пережитковъ старины.

Въ законодательствѣ Ивана IV былъ затронутъ еще одинъ вопросъ, на почвѣ котораго сталкивались два противоположныхъ теченія, и двѣ враждебныхъ общественныхъ группы отстаивали свои права. И здѣсь, въ концѣ-концовъ, Иванъ принужденъ былъ капитулировать передъ силою. Мы знаемъ уже, какіе источники рабства устанавливались обычаями и Судебникомъ 1497 года. Какъ сказано было выше, законъ 1550 года попытался ограничить ихъ число. Онъ требовалъ свободы для дѣтей, рожденныхъ до перехода родителей въ холопы. Онъ запрещалъ родителямъ, потерявшимъ свободу, продавать дѣтей, рожденныхъ еще въ свободномъ состояніи. Онъ предписывалъ, чтобы всѣ договоры, касавшіеся перехода въ холопство, представлялись на разсмотрѣніе извѣстнымъ высшимъ должностнымъ лицамъ,—при томъ, непременно, въ такихъ лишь городахъ, какъ Москва, Новгородъ, Псковъ и т. д. Однако, на ряду съ этимъ, мы видимъ въ Судебникѣ 1550 г. мѣропріятія совершенно противоположнаго характера. Между прочимъ, законодатель предоставлялъ крестьянамъ, желающимъ отказаться отъ свободы и продаться въ холопы, право въ любое время года покидать свои поля; съ другой стороны, онъ увеличивалъ размѣры уплаты за *пожилое*. Такимъ образомъ, Судебникъ еще ту же стягивалъ петлю, которая и безъ того душила крестьянство.

Несомнѣнно, личные склонности царя не играли никакой роли въ этихъ послѣднихъ мѣропріятіяхъ. Мы знаемъ, что отъ имени самого государя на соборъ долженъ былъ поступить цѣлый рядъ предложеній: всѣ они свидѣтельствуютъ о совершенно иномъ настроеніи Ивана. Но тотъ, кто впослѣдствіи будетъ издѣваться надъ Баторіемъ, терпящимъ ограниченіе своей власти, на этотъ разъ не рѣшился воспользоваться своей самодержавной властью. Иванъ былъ слишкомъ молодъ. Быть можетъ, онъ самъ еще не вполне довѣрялъ своимъ убѣжденіямъ и планамъ.

Въ области гражданскаго права Судебникъ 1550 года сохранилъ въ полной неприкосновенности существующій порядокъ наслѣдованія.



Лишь въ 1562 году и здѣсь произошло крупное измѣненіе: оно было новымъ шагомъ впередъ, съ точки зрѣнія политической программы Ивана IV. Было постановлено, что въ отсутствіе наслѣдниковъ мужчинъ родовыя вотчины князей поступаютъ въ собственность государства. Та же самая судьба должна была постигнуть и родовыя боярскія вотчины при отсутствіи «ближняго племени» или завѣщательнаго распоряженія. Спустя 10 лѣтъ, т.-е. въ 1572 году, право наслѣдованія было сохранено лишь по отношенію къ жалованнымъ вотчинамъ; при этомъ въ наслѣдованіе шла только та вотчина, о которой въ жалованной грамотѣ было сказано, что она дается не одному первому пріобрѣтателю съ дѣтьми его, но и роду. Замѣтимъ, наконецъ, что пользоваться этимъ правомъ могли лишь прямые наслѣдники, а боковые—не дальше второй степени родства.

Какъ и Судебникъ 1497 года, законодательство 1550 года касалось по преимуществу вопросовъ судопроизводства. Съ этой стороны, Судебникъ Ивана IV выгодно отличается отъ кодекса 1497 года. Мы видимъ въ немъ цѣлый рядъ мѣръ, имѣющихъ цѣлю упорядочить судебное разбирательство. Мы узнаемъ изъ него о строгихъ наказаніяхъ, угрожавшихъ недобросовѣстнымъ или нерадивымъ судьямъ. Мы убѣждаемся, что Судебникъ Грознаго выступаетъ противъ ябедничества, подчиняетъ извѣстнымъ правиламъ примѣненіе пытокъ и регламентируетъ судебныя поединки. Словомъ, въ этой специальной области, онъ сдѣлалъ все, что возможно, для борьбы съ глубоко укоренившимися и слишкомъ живучими недостатками судопроизводства. Въ заслугу Судебнику 1550 года можно поставить еще одно новшество, которое относилось уже къ иной сферѣ. А именно—это законодательство устанавливало вполне опредѣленныя нормы для вознагражденія за безчестіе, различая послѣднее по степенямъ. Но, въ общемъ, въ этомъ памятникѣ законодательной работы Ивана IV духъ консерватизма оказывается рѣшительно преобладающимъ. Передъ Иваномъ все еще стояла торжествующая сила непокорнаго боярства; оно еще сохраняло попрежнему всѣ свои преимущества, права и привилегіи. Какъ и раньше, оно не измѣняло своей склонности злоупотреблять своимъ положеніемъ въ ущербъ общегосударственнымъ интересамъ.

И, все же, слова Ивашки Пересвѣтова не пропали даромъ. Правда, Иванъ IV все еще колебался на распутьи. Онъ не зналъ еще, къ чему ему надобно стремиться; онъ не понималъ еще, какими средствами

слѣдуетъ пользоваться. Однако, въ томъ же 1550 году, онъ сдѣлалъ рѣшительный шагъ по единственному пути, который передъ нимъ открывался. Онъ попробовалъ начать неизбѣжную борьбу, гдѣ на сторонѣ его были шансы побѣды. Онъ попытался примирить необходимую реформу со старой правительственной системой, уничтожить которую было немыслимо за невозможностью какой-либо ея замѣны. 10 октября былъ изданъ указъ, который долженъ былъ создать новое положеніе верхнему слою служилыхъ людей.

---